

Архетип матери как отражение глубинной природы женского сознания

Мурадова Д.А

Азиатский международный университет Узбекистан, Бухара

Аннотация: В статье рассматривается архетип Матери как фундаментальная структура коллективного бессознательного, оказывающая значительное влияние на формирование женской ментальности. Опираясь на теории К. Г. Юнга, а также на культурологический и литературоведческий подходы, автор анализирует, каким образом материнский архетип отражается в мировоззрении женщин, в их самоидентификации и системе ценностей. Особое внимание уделяется интерпретации образа Матери в художественной литературе и фольклоре, где он предстает как символ жизни, жертвы, духовной опоры и безусловной любви.

Ключевые слова: архетип Матери, женская ментальность, коллективное бессознательное, К. Г. Юнг, фемининность, литература, фольклор, психология, символика, культурный код.

Архетип (от греч. ἀρχή — начало, источник и τύπος — образ, отпечаток) — философское и психологическое понятие, восходящее к традиции платонизма, в котором идея выступает как изначальный образ, предшествующий вещам материального мира. Особое развитие концепция архетипа получила в рамках аналитической психологии, основанной швейцарским психиатром и философом Карлом Густавом Юнгом .

Согласно Юнгу, структура психики включает не только сознание и личностное бессознательное, но и более глубокий пласт — коллективное бессознательное, которое не формируется индивидуальным опытом, а наследуется каждым человеком как часть универсального человеческого опыта.

Он писал: «Коллективное бессознательное — это та часть души (psyche), которая не обязана своим существованием личному опыту, и потому не является индивидуальным приобретением. В отличие от личного бессознательного, состоящего преимущественно из вытесненных или забытых переживаний, коллективное бессознательное включает в себя архетипы — первообразы, никогда не бывшие в сфере сознания» (Юнг К.Г., 1991, с. 69–70).

Архетипы представляют собой своеобразные универсальные матрицы психических переживаний и моделей поведения, сформировавшиеся на основе многовекового повторяющегося опыта человечества. Они проявляются в мифах, сновидениях, религиозных образах и художественном творчестве. Некоторые архетипические формы (например, страх перед темнотой или реакция на материнскую фигуру) можно проследить даже у животных, что позволяет говорить о биологической укоренённости некоторых бессознательных структур.

Особый интерес вызывает архетип Матери как один из центральных и наиболее универсальных образов коллективного бессознательного. Он охватывает широкий спектр символов — от образа реальной матери до мифологических фигур (земли, богини, природы, ночи). Материнский архетип олицетворяет не только заботу, плодovitость и защиту, но и двойственность — он может быть не только питающим и оберегающим, но и всепоглощающим, разрушительным (Юнг К.Г., 1994).

Архетип как концепт — это не просто философская абстракция, а глубинная структура психики, в которой сохраняется опыт поколений, идущий от первобытного человека к современному. Его актуальность проявляется как в индивидуальной психологической жизни, так и в коллективных культурных кодах.

Архетипы представляют собой не только следы повторяющегося типичного опыта, хранящиеся в глубинных пластах психики, но и, по существу, активные психические силы, способные инициировать повторение этих же опытов в реальности. Как подчеркивает К. Г. Юнг, каждый раз, когда архетип проявляется в жизни индивида, он несет в себе своеобразное «влияние» — энергетический заряд, способный оказывать магнетическое, порой даже навязчивое воздействие на поведение и восприятие. Архетип словно побуждает к действию, захватывает сознание, порождая сильные эмоциональные и экзистенциальные переживания (Jung, 1959).

Швейцарский историк культуры и мифолог И. Я. Бахофен еще в XIX веке утверждал, что мифологические образы и архетипы — это не просто символические конструкции, а отражение исторической фазы, когда человеческое существование еще пребывало в гармонии с природой. Эта первозданная целостность проявлялась в удивительной взаимосвязи природных и духовных начал, в выражении универсального закона, лежащего в основе миропорядка. Именно в мифе, по мысли Бахофена, реализуется культурная память о первичной онтологической гармонии (Бахофен, 1995, с. 226).

Архетипы в этом контексте следует рассматривать как бессознательные образы инстинктов, своеобразные психические модели (patterns) глубинного поведения человека. По классификации Юнга, к числу древнейших и наиболее устойчивых архетипических структур относятся: архетип Анимы (женского начала в мужской психике), архетип Мудреца, Героя, Тени (тёмной стороны личности), а также один из центральных и универсальных — архетип Великой Матери (Jung, 1968, с. 71).

Женщина, с точки зрения биологии, культуры и психологии, несет в себе уникальную функцию — продолжение рода, вынашивание и рождение новой жизни. Эта способность формирует фундамент её идентичности. По справедливому замечанию философа В. А. Рамиха, материнство представляет собой «условный код,

систему символов, заданную этнографической средой и определённым историко-культурным пластом, который обеспечивает устойчивость социума и воспроизводство самой культуры» (Рамих, 2006, с. 92). И именно архетип Матери служит связующим звеном между индивидуальной психологией женщины и универсальными моделями культуры.

Архетип Великой Матери, в интерпретации К. Г. Юнга, представляет собой расширенное осмысление материнского комплекса З. Фрейда, дополняя его символическим и мифопоэтическим измерением. Этот архетип является одним из наиболее комплексных и многослойных: он может оказывать базовое влияние на структуру личности, порождать автономные психические комплексы, активизироваться в различных жизненных ситуациях и символически оформляться в сновидениях, мифах и фольклоре. Его сущность, по выражению Юнга, — «магический авторитет всего женского: мудрости, тепла, возрождения, но также и мрачной, тёмной силы, предельной глубины и мистического ужаса» (Jung, 1994, с. 211).

Культурные репрезентации этого архетипа многочисленны и разнообразны: от Деметры и Персефоны в греческой мифологии, до Софии в христианской мистике, до образов коровы, печи, пещеры, ведьмы или Бабы-Яги в народных сказках. Все эти фигуры воплощают в себе двойственную природу архетипа — как источника жизни, защиты и питания, так и носителя стихийной, иррациональной и потенциально разрушительной силы.

Образ Матери на самых ранних стадиях человеческой культуры был неразрывно связан с природой и циклами плодородия. Уже в эпоху палеолита, более 30 000 лет назад, появляются так называемые "палеолитические Венеры" — женские фигурки с гипертрофированными половыми признаками, найденные на территории Европы и Азии. Эти артефакты, выполненные из камня, кости или глины, рассматриваются исследователями как сакральные символы воспроизводства, материнства и изобилия — ранней формы культа Великой Богини (Гимбутас, 1991).

Несмотря на то, что позднейшие мифы о сотворении мира, особенно в авраамических религиях, изображают Творца в мужском облике или как андрогинную сущность, существует гипотеза, что изначально предшествующие верования были ориентированы на Богиню-Мать — персонификацию животворящей силы самой природы. Этот архетип Великой Матери как источника всего сущего закреплён в мифологических системах различных культур. Так, например, древнегреческий поэт Гесиод (ок. 700 г. до н. э.), систематизируя космогоническую традицию, помещает Гею — Мать-Землю — в самое начало божественной генеалогии: «Она широко раскинулась, могучая, дающая жизнь всему, что живёт и растёт на ней» (Гесиод, 1989, с. 14). Гея становится не только прародительницей богов, но и первочеловека, символизируя великую, всеохватывающую женскую сущность.

Культ Матери-природы, широко распространённый в греко-римском мире, находит своё выражение в образах Деметры, богини земледелия и урожая, и Реи, матери олимпийских богов. Их почитание воплощает древнюю идею женского начала как основы жизни, как хранилища силы воспроизводства и устойчивости мира.

Существенный поворот в символике образа Матери происходит с приходом христианства. В отличие от языческих богинь, Дева Мария — земная женщина, ставшая матерью Бога-человека, и потому культ Марии в корне отличается от почитания Матери-Земли. Он знаменует собой смещение смыслового центра — от персонификации стихийных природных сил к этико-духовному началу женственности. Хотя культ Богородицы сохраняет архетипическую структуру Великой Матери, его содержание переосмыслено в контексте христианской антропологии и морали. Таким образом, женская сакральность трансформируется: вместо биологической и космической плодovitости акцент переносится на духовную чистоту, жертвенность и милосердие.

В дохристианской славянской культуре образ Матери был представлен в виде синкретической Великой Богини — Матери-Земли, известной также как Мать Сыра Земля. Этот архетипический образ объединял функции прародительницы, кормилицы, защитницы и судии. Её воспринимали как живую сущность, рождающую всё сущее и принимающую всё умершее. Земля считалась воплощением универсальной воспроизводящей силы, а её взаимодействие с Небом (в образе Отца) рассматривалось как священное слияние начала женского и мужского: «Земля — мать, небо — отец». Подобные формулы широко представлены в народной магии и заговорах, например: «Гой еси, сырая земля, матерая! Матери нам еси родная, всех еси нас породила» (Рыбаков, 1987, с. 44). Земля уподоблялась женщине: оплодотворённая дождём, она даровала урожай, питание и продолжение рода.

Таким образом, образ Матери, начиная с глубокой древности, представляет собой не только культовое воплощение природы, но и универсальный архетип женского начала, который сохраняет свою силу и в мифологических системах, и в религиозных традициях, и в культурной памяти народов.

Список литературы:

1. Гесиод. Теогония // Античная мифология: Тексты и комментарии. — М.: Наука, 1989. — С. 14.
2. Гимбутас М. Язык богини. — М.: София, 1991.
3. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. — М.: Наука, 1987.
4. Eliade M. The Sacred and the Profane. — Harcourt, 1987.
5. Jung C.G. The Archetypes and the Collective Unconscious. — Princeton University Press, 1959.